

Жюли ЖЕРБЕР¹

Елена Николаевна ЭРТНЕР²

УДК 82-31

ПРИРОДА КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» В РУССКОЙ ПРОЗЕ О ГУЛАГЕ

¹ аспирант, ассистент кафедры французской филологии,
Тюменский государственный университет
z.zherber@utmn.ru

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
e.n.ertner@utmn.ru

Аннотация

В статье рассматривается образ природы и способы его художественной репрезентации в русской прозе о ГУЛАГе. Объектом исследования становятся «Колымские рассказы» (1967) В. Т. Шаламова, ставшие классикой, и роман «Предел забвения» (2010) известного молодого писателя С. С. Лебедева. Сравнительно-сопоставительный анализ избранных произведений позволяет актуализировать постановку проблемы традиций и новаторства лагерной прозы. Роман Сергея Лебедева — номинант премий «Большая книга» и «Национальный бестселлер» 2010 г., он переведен на десять языков мира, однако до сих пор практически не изучен, что во многом определяет новизну работы. В результате исследования доказано, что в рассматриваемых произведениях природа раскрывается как конфликтный и двойственный образ, пространство топофобии и топофилии. Амбивалентные черты обнаруживаются в образах различных природных феноменов (колымская земля, угнетенный лес, вечная мерзлота, гора, дерево, камень, гриб, трава и др.). Выявляются способы субъективации и переживания природы, ее функциональность. Показано, как биографический опыт писателей разных поколений трансформируется в события коллективной исторической памяти ГУЛАГа.

Цитирование: Жербер Ж. Природа как «место памяти» в русской прозе о ГУЛАГе / Ж. Жербер, Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 4. С. 120-133.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-120-133

Ключевые слова

В. Т. Шаламов, С. С. Лебедев, «Колымские рассказы», «Предел забвения», лагерная проза, природа, ландшафт, «место памяти», топофилия, топофобия.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-120-133

Введение

Изучение образности природы и аспектов, связанных с его художественной репрезентацией, — традиционная тема в науке о литературе. Природу можно определить как совокупность природных существ, веществ и явлений, бытующих вне человека. В премодерне, то есть в рамках античных и средневековых космологий (начиная с Аристотеля), природа представляет собой место, где встречаются человеческое и божественное. В модерне (Ф. Бэкон, Ф. Гегель) природа — объект, поле эксперимента, нечто отделенное от человека-субъекта. Постепенно в литературе природа проявляется все больше и больше как полноценный персонаж. И в этом смысле важно обратиться к прозе XX в., авторы которой конституируют особые природные ландшафты, воплощающие исторические драмы многих войн и социальных катаклизмов, в том числе «архипелага ГУЛАГ».

Обоснование. Направление нашего исследования в данном ключе связано с выявлением особенностей репрезентации природного ландшафта в русской лагерной прозе. Сравнительно-сопоставительный анализ современного романа о ГУЛАГе с произведениями, ставшими классикой, позволит рассмотреть проблему традиций и новаторства лагерной прозы [16, с. 68-79], своеобразии ландшафтного мышления художника.

Материал. Особый интерес в плане воплощения природного ландшафта представляют «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова (1967) и новый роман С. С. Лебедева «Предел забвения» (2010). Рассказы Шаламова раскрывают опыт переживания самого узника ГУЛАГа, тогда как роман Лебедева повествует о событиях сегодняшнего дня: герой отправляется в путешествие, чтобы найти остатки лагеря, начальником которого был его дед. «Предел забвения» является едва ли не единственным произведением о ГУЛАГе 2010-х гг. **Целью** статьи является экспликация специфики природы в русской прозе о ГУЛАГе.

Основная часть

Варлам Тихонович Шаламов является автором пяти сборников стихов (первый опубликован в 1961 г.), цикла «Колымские рассказы» (1954-1973) и цикла стихотворений «Колымские тетради» (1949-1954). Помимо этого, он еще и опубликовал автобиографическую повесть «Четвертая Вологда» (1971) и другие произведения.

Шаламов был арестован за участие в подпольной троцкистской группе и был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей (1929). В 1932 г. он был освобожден, а в 1936 г. его вновь арестовали за «контрреволюционную троц-

кистскую деятельность». Этот срок он отбывал на Колыме. Шаламов — создатель одного из наиболее известных циклов рассказов о жизни заключенных советских исправительно-трудовых лагерей в 1930-1950-е гг. «Колымские рассказы». Его имя в лагерной прозе оказывается рядом с именем А. И. Солженицына.

Творчество В.Т. Шаламова имеет сложившуюся исследовательскую традицию в работах Э. Анштет [9], Э. Мондона [19], Л. Юргенсон [17], Д. В. Кротовой [2], Г. Г. Красухина [1], В. А. Туниманова [4], Ю. Шрейдера [8] и др., при этом тема природы, представленная в его произведениях, и сегодня требует изучения. Важно, что, актуализацию образа природы подчеркивает и сам писатель: «...нет природы, равнодушной / К людской борьбе» (стихотворение «Дорога и судьба») [5].

Сергей Сергеевич Лебедев (род. 1981), современный писатель, автор четырех романов, представляющих своего рода автобиографический цикл: «Предел забвения» (2010), «Год кометы» (2014), «Люди августа» (2016) и «Гусь Фриц» (2018). Первый роман Сергея Лебедева вошел в список премии «Большая книга» и в список премии «Национальный бестселлер» в 2010 г. Роман переведен на десять языков мира. Несмотря на то, что роман С. С. Лебедева получил достаточно широкую известность за рубежом, он до сих пор мало изучен в России, хотя его проза тонко отражает состояние постсоветского человека, его сложное отношение к истории. В «Пределе забвения» раскрывается история внука некоего начальника лагеря, ищущего в тундре следы ГУЛАГа, чтобы избавиться от груза прошлого и чувства вины. В юности писатель работал в геологических экспедициях на Севере и в Казахстане, где он впервые видел остатки лагерей, биографический опыт и обусловил творческий замысел книги. Роман написан в медитативной манере, не случайно в памяти возникает имя Марселя Пруста.

Ключевая черта «Колымских рассказов» и «Предела забвения» состоит в том, что они создают конфликтный, двойственный образ природы.

Методология

В статье используется геокультурный подход, в основе которого — исследование поэтики места, территории, ландшафта. В конце XX — начале XXI в. поэтика пространства, геософия места оказалась в центре внимания феноменологии, в частности, во Франции (Э. Морен, М. Серр, М. Мерло-Понти и т. д.). Мировая гуманитаристика отказалась от модернистской установки на время (конструирование утопических проектов будущего или прошлого) и в значительной мере обратила свое внимание на пространственные аспекты человеческого бытия. С работ М. Фуко, А. Лефевра и М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Топорова представление о пространстве расширяется, обретает новую интерпретацию. Это изменение, как известно, получило название «пространственного поворота» (spatial turn). Одним из его результатов, отражающих сложные взаимосвязи человека и ландшафта, территории, стало появление новых пространственных концепций.

Во французском литературоведении зародились такие научные направления, как «геокритика» (анализ репрезентаций пространства в тексте), основанная Б. Вестфалем [23, с. 180], и «геопозитика» (размышления о связях между литературным творчеством и пространством), программу которой создал М. Дэги, а углубил К. Уайт [24, с. 80]. Исследования в области геопозитики сегодня активно развиваются в современной отечественной науке, в работах В. Подороги, Д. Замятина, В. Абашева и др. Усиление внимания исследователей к изучению «географии» в литературе говорит о «возвращении реального» (*retour du réel*), либо о «ссылке на реальное» (*référéncé au réel*, А. Компаньон), либо об «эффекте реального» (*effet de réel*, Р. Барт).

Так, французские философы Ж. Делёз и Ф. Гваттари разработали концепцию «геофилософии» (междисциплинарная наука о цивилизационных отношениях и трансформации мирового имманентного порядка, основанная на представлениях о множественности миров) [14, с. 82]. Французский философ М. Гоше писал в 1996 г., о том, что мы являемся свидетелями «размытого „географического“ поворота в социальных науках, поворота, который не вдохновлен существующей вовне географией, а который родился изнутри, под влиянием все более широкого учета пространственного измерения социальных явлений» [15, с. 42].

«Новая история» также уделяет внимание ландшафтам в контексте эволюции коллективного сознания, о чем свидетельствует, например, концепция ландшафта как *способа чтения* пространства А. Корбена [13, с. 78]. А. Кокелин в работе *L'invention du paysage* («Изобретение пейзажа», 1989) утверждает, что наше восприятие пейзажа представляет собой конструкцию, культурный факт, ведь оно сформировано человеческим взглядом [12, с. 89]. В этом смысле письмо представляет пространство, но также и время, поскольку время осуществляется именно в пространстве. Методологически важными для изучения природы как «места памяти» ГУЛАГа в данной статье становится понимание ландшафта как «места памяти», по утверждению С. Шамы [22, с. 412], или природы как «места памяти» в терминологии П. Нора.

Природа как конфликтный и двойственный образ в русской лагерной прозе

Данная статья имеет целью изучить природу как «место памяти» ГУЛАГа в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова и в романе «Предел забвения» С. С. Лебедева.

Природа в художественном мире Варлама Шаламова открывается как самоценный прекрасный мир, воплощающий гармонию даже в сложных условиях Крайнего Севера и вселенское материнское начало по отношению к пребывающему здесь заключенному ГУЛАГа. Природа и человек равно оказываются в ситуации выживания на земле Колымы. И постепенно в слове личного повествователя проступает «опыт жизни» северной природы. Так, в рассказе «Кант» нарратор замечает: «Мне давно была понятна и дорога та завидная торопливость, с какой бедная северная природа стремилась поделиться с нищим, как и она, человеком своим нехитрым богатством: процвести поскорее для него всеми цветами» [6, с. 45]. Герою осознается особая связь между ним самим и природой, на

что указывает местоимение «мне» в начале высказывания. Эта связь проступает в понимании и оценке нарратора: забота природы о человеке «понятна и дорога».

Природа обладает «завидной» способностью праведнического поведения «нищего». И в этом случае приход весны воспринимается как результат подвижнической деятельности природы: она «стремится поделиться» именно с человеком («для него») всем тем, что есть у нее («цветовым многообразием»). Обращает на себя внимание и символическая параллель — «бедная северная природа» и «нищий, как и она, человек», с помощью которой в тексте актуализируется мотив борьбы за жизнь. Природа оказывается сильнее: она «богата» — у нее есть чем поделиться, в отличие от человека. Эта усердная, щедрая забота природы раскрывает ее материнское начало: она предлагает утешение больным, голодным и измученным заключенным, бескорыстно даря им себя.

Автор персонифицирует природу, наделяет ее лучшими человеческими качествами. По словам Д. В. Кротовой, у Шаламова природа «не „пейзаж“ как таковой, а организм, наделенный сознанием и эмоционально-чувственной сферой» [2, с. 38]. Природа, сохраняя связь человека со стихией земли, выступает субъектом действия и субъектом сознания в произведениях В. Т. Шаламова.

Ландшафт колымского края воссоздается автором с географической точностью. Территориализация северной земли осуществляется на уровне описания растительного мира Колымы. При этом позиция рассказчика Шаламова во многом обусловлена как принципами естественнонаучного, исследовательского подхода, так и собственно художественной стратегией повествования. Природный мир Севера ярко проявляется в образах леса и дерева. Деревья и кустарники, «жители» этих мест: лиственница, стланик, можжевельник, шиповник, кедровник и т. п. — наделяются в рассказах определенными биологическими характеристиками, представляют конкретную природно-климатическую зону земли. Одновременно нарратор способен слышать «голос» каждого дерева, понять его индивидуальность, «личностную» природу. Таким образом, «сочувствие» природы и человека друг к другу в творчестве Шаламова взаимно.

Особенно ярко это проявляется в рассказе «Стланик», где эксплицируются мифопоэтические смыслы природы и предназначения дерева. Постоянно наблюдая, как произрастает северное дерево стланик, повествователь замечает, что его ствол искривляется при приближении холода и выпрямляется с первыми весенними лучами солнца. «Поведение» дерева поражает рассказчика, и стланик становится подлинным героем, символом веры и надежды человека: «И вот среди снежной бескрайней белизны, среди полной безнадежности вдруг встает стланик. Он стряхивает снег, распрямляется во весь рост, поднимает к небу свою зеленую, обледенелую, чуть рыжеватую хвою. Он слышит неуловимый нами зов весны и, веря в нее, встает раньше всех на Севере. Зима кончилась» [6, с. 152].

Процесс субъективации образа очевиден: глаголы «стряхивает» «распрямляется», «поднимает», «встает» позволяют увидеть в стланике «субъекта действия», а глагол «слышит» и деепричастие «веря» — обнаружить и «субъекта сознания». Стланик — единственный герой мира Крайнего Севера, где царят

«снежная бескрайная белизна» и «полная безнадежность». К тому же в тексте рассказа автор обращается только к миру природы, даже упоминаний о человеке нет, а повествующая инстанция отказывается от формы «Я», сохраняя при этом общечеловеческое «Мы». Образ стланика не только персонифицируется, но и, несомненно, героизируется: он преодолевает все и «встает», с трудом пережив зиму, на что намекает его «обледенелая, чуть рыжеватая хвоя». Дерево глубоко чувствует мир, в отличие от человека: только оно слышит «неуловимый нами зов весны», что подтверждает и заключительный вывод нарратора: «Природа тоньше человека в своих ощущениях».

В контексте дискурса ГУЛАГа словосочетание «зима кончилась» воспринимается заключенными как обещание жизни, возможность освобождения и возвращения на родину. В рассказах Шаламова природа более человечна, чем сами люди: с одной стороны, в лагере большинство людей «редуцируется до состояния зверя», с другой — природа становится идеальным началом, создает модель поведения и сохранения в себе человеческого в этих страшных условиях. Шаламовская природа мудра: она знает лучше, чем человек, как следует и как не следует поступать.

Шаламов отмечает, что «лиственница — дерево очень серьезное. Это — дерево познания добра и зла, — не яблоня, не березка! — дерево, стоящее в райском саду до изгнания Адама и Евы из рая. Лиственница — дерево Колымы, дерево концлагерей» [6, с. 441]. Шаламов настаивает на том, что это именно природа лиственницы, и не случайно использует прием отрицания, сравнивая ее с другими деревьями: «не яблоня, не березка!» Яблоня и яблоки являются важнейшими символами, часто встречающимися в мифах, легендах и сказках. Яблоки могут символизировать как добро (любовь, молодость, красоту), так и зло (искушение, грех, похоть, раздор). В Книге Бытия, на которую эксплицитно ссылается Шаламов («в райском саду до изгнания Адама и Евы»), говорится о запретном плоде древа познания добра и зла, который в культуре нередко ассоциируется с яблоком. Что касается березы, то в России она считалась священной. Сакральность образа, по-видимому, связана с его символической природой и доминантной ролью в национальном фольклоре. Береза интегрировала все функции оси мира. В шаманских обрядах береза — космическое дерево *par excellence*. Стало быть, если яблоня для Шаламова прежде всего связана с христианством, то береза — с язычеством. Здесь нельзя не вспомнить, что Шаламов — сын православного священника. При этом отец, по словам Шаламова, сохранял связь с язычеством. В автобиографическом романе писателя «Четвертая Вологда» отец героя предстает как «шаман и язычник в глубине своей зырянской души», так как, «возможно, сам он сам — из зырянских шаманов». И хотя эта гипотеза исследователями не подтверждается, Шаламов чувствует родовые шаманские корни, указывая на омофонию слов «шаман / Шаламов»: «Сама фамилия наша — шаманская, родовая — в звуковом своем содержании стоит между шалостью, озорством и шаманизмом, пророчеством» [7, с. 21]. Следует отметить, что Шаламов отрекся от религии в 16 лет, после чего твердо

заявлял в своих произведениях, что является безбожником. Для него религия и суеверия относятся к чему-то «несерьезному», а вот лиственница описывается им как «дерево серьезное», как будто в противовес упомянутым деревьям, так или иначе связанным с духовностью. Итак, Шаламов наделяет лиственницу новыми символическими значениями, и у него она становится «деревом Колымы, деревом концлагерей». И тогда лиственница — дерево «сухой реальности» этой земли — древо царства ада на земле.

Когда Шаламов описывает пагубность для человека северной природы (дикий холод, ослепляющий, вездесущий снег, переносчика болезней — комара), он не настаивает на том, что природа зла сама по себе, но она как будто заражена «адом лагерей». Он пишет: «Зимой все леденело. И горы, и реки, и болота зимой казались каким-то одним существом зловещим и недружелюбным» [6, с. 123]. ГУЛАГ метафоризируется автором в ландшафтной поэтике ледяного чудовища. Зима «леденит» все, живой мир гор и болот унифицируется, земля исчезает и неожиданно принимает дьявольское обличье вселенского зла в «одном существе». При этом зло, по Шаламову, не имманентно природе, ибо в этом рассказе страх и опасность автор связывает с пребыванием человека в лагере.

Напротив, в тексте романа Сергея Лебедева «Предел забвения» природа выступает носителем совсем иных смыслов, чаще всего отличающих негативной коннотацией. Рассказчик всегда ощущает безразличие и даже враждебность природы по отношению к человеческому страданию в ГУЛАГе, что особенно ярко проявляется в символике древесного гриба. Впервые герой видит гриб, когда, будучи молодым человеком, возвращается к могиле «неродного деда»: «Но вдруг на старом, трухлявом пне я увидел... похожий на заплывшее жиром ухо древесный гриб. <...> И все вернулось: страх, отвращение, озноб; гриб был похож на плоть трупа. Второй дед не отпустил меня» [3, с. 120]. Узнавая в грибе деда, герой испытывает шок и вновь погружается в прошлое. Очевидно, что антропологизация гриба изначально присутствует в языке, поскольку его *тело* состоит из *ножки* и *шляпки*. И нарратор усиливает этот процесс: гриб выглядит как «заплывшее жиром ухо», что неожиданно актуализирует в его восприятии мотивы «подслушивания», «слежки» не только за прежними узниками лагеря, но и за ним самим, спустя десятилетия оказавшимся здесь потомком «деда-палача» ГУЛАГа. Узнавание в грибе деда происходит благодаря устойчивым метафорам «старый гриб», «старый пенёк». Гриб становится эсхатологическим символом, поскольку растет «на старом, трухлявом пне» и ассоциируется с «плотью трупа».

Древесный гриб, похожий на ухо, под названием «аурикулярия уховидная» или «иудино ухо» действительно существует в природе. Так, возникают новое ассоциативное поле: гриб подобен Иуде, архетипическому образу предателя, лицемерия и навета. И как Иуда становится одним из двенадцати апостолов, так и «дед-палач» — членом семьи рассказчика. Следует отметить, что описание природного мира строится Лебедевым на иных основаниях, отличных от из-

бираемых Шаламовым. Так, в повествовании речь идет просто о «грибе», без уточнения его вида: уже отсутствие партикуляризма указывает, что природа в романе С. Лебедева ценна не сама по себе, как у Шаламова, а выступает своеобразным провокатором возникающих мыслей и чувств героя. Мир природы обогащает новыми смыслами восприятие рассказчика, обуславливает новое переживание ландшафта ГУЛАГа. Используемые сравнения передают впечатление воспринимающего мир: «похожий на», «был похож на». Выражение «и все вернулось» отсылает к мотиву вечного возвращения, подобно всегда возвращающейся весне в рассказах Шаламова. Однако в романе Лебедева речь идет о возвращении навязчивых чувств рассказчика, «страха, отвращения, озноба», которые в нем еще в детстве вызывал дед. И герой неожиданно осознает, что и сейчас дед «не отпускает [его]». Давно умерший дед вновь призывает к герою, и в этом случае гриб — катализатор тех старых чувств, которые всегда смущали рассказчика. Гриб высасывает соки дерева, дающего ему жизнь, подобно деду, метафорически вновь «произрастающему» в сознании внука, присваивая его силы и душу.

И позже, когда герою наконец удастся найти массовые захоронения узников, он вновь обнаруживает присутствие гриба: «Около надломленной ключицы рос крупный подосиновик... и эта бескровная, не знающая боли плоть низшего царства живых организмов была мерзка; ...человеческая плоть истлела, а плоть грибов обновлялась на грибнице, ...и человек был чем-то очень непрочным в сравнении с этими грибами» [3, с. 355]. И вновь рассказчик проводит аналогию между смертью, воплощенной в «надломленной ключице», и «подосиновиком». Ландшафт земли ГУЛАГа напоминает картины XVII в., выполненные в жанре *ванитас*, представляющие собой аллегорию смерти, где каждый объект — символ эфемерности человеческой жизни. Гриб, в данном случае подосиновик, обычно радующий глаз своей яркой рыжей шляпкой, и у Лебедева предстает как живое существо, но существо, совершенно лишенное своего природного цвета, «бескровное», и не «знающее боли», бесчувственное, поскольку олицетворяет трагедию ГУЛАГа. И даже такой гриб здесь неуместен, он «аморален», ибо символизирует живую смерть. Природа «виновата» в своем безразличии к жестокости ГУЛАГа и в отсутствии сострадания к узнику. А главная ее «вина» в том, что она несет в себе «следы лагеря». Однако одновременно «земля ГУЛАГа» становится и хранильницей памяти места, памяти преступления, и памяти страдания.

Воссоздавая природный ландшафт Колымы в рассказе «Дождь», Варлам Шаламов подчеркивает ее особую красоту: «Все было очень мягкое, очень согласное друг с другом. Все было какой-то единой цветовой гармонией — дьявольской гармонией» [6, с. 43]. Выражение «дьявольская гармония» является оксюмороном, ведь место дьявола — ад, отталкивающий и хаотичный. В разговорном языке часто используются речевые обороты, построенные на конфликте семантических значений: «ужасно красиво» или «чертовски красиво». Как известно, этот прием позволяет усилить эмоционально-экспрессивное воздей-

стве образа. В рассказе Шаламова эффект образа возрастает, поскольку лагеря Колымы — подлинный ад в буквальном смысле слова. В этом ландшафте противоположности — «ужас, смерть» и «красота, гармония» — соединяются в совершенном, подлинно прекрасном царстве зла.

В романе «Предел забвения» Сергей Лебедев развивает эту традицию. Рассказчик, очутившись в бывшем шахтерском лагере на севере, испытывает противоречивые чувства, воспринимая одновременно красоту и ужас природы. Глядя на гору, покрытую великолепными цветами, он осознает, что «этот идеальный ясный свет воплощал в себе неодушевленную жизнь природы, действие ее законов, в своем выверенном великолепии отрицающих все человеческое» [3, с. 133]. Перед нами тот же мир «дьявольской гармонии», его «идеальный ясный свет». Природа, созданная Творцом, в пространстве ГУЛАГа утрачивает свою одушевленность, в ней нет места человеческому. Земля становится пространством, воплощающим *топофобию*, где каждый элемент природы имеет негативную коннотацию. Горная порода «[вобрала] в себя смертные усилия людей», «красота ее не ослабла, не потускнела и потому казалась опасной» [3, с. 133]. В этом мире присутствуют антитетичные образы: «идеальный свет», «жизнь», «великолепие», напоминающие рай, и законы природы, «отрицающие все человеческое», которым противостоят «смертные усилия людей». Герой не только созерцает ландшафт, но и сам становится «голосом» места, ощущает в себе «следы» исторического прошлого. Выражения «воплощать в себе» и «вобрать в себя» свидетельствуют о переплетении человеческой судьбы и судьбы природы. Как и природа, узник обречен на «неодушевленную жизнь» в лагере.

Рассказчик Лебедева становится одержим ГУЛАГом, он переживает его здесь и сейчас. Его восприимчивость является инструментом, благодаря которому он может погрузиться в прошлое и интерпретировать его, дабы «присвоить» его. Природа вводит в заблуждение, она «опасна», потому что сохраняет всю свою красоту, не отражая человеческого страдания. Таким образом, в романе Лебедева природа в своей красоте и ужасности превращается в некий амбивалентный организм, причем его амбивалентность лежит не только в этической плоскости, но в эстетической.

Следует рассмотреть две ипостаси природы, которые способны порождать различные интерпретации: минеральное вещество (камень), которому приписываются функции памяти, и органическое вещество (травы), которое «забывает». Однако в лагерной прозе свойства камня обретает и вечная мерзлота Севера. Писатели указывают на мрачную особенность колымской земли: весной, когда тает снег, обнажаются еще не разложившиеся трупы заключенных. Они похоронены неглубоко или даже просто присыпаны снегом, поскольку невозможно выкопать могилу в замерзшей и каменистой почве. Шаламов описывает, как «раскрылась земля, показывая свои подземные кладовые, ибо в подземных кладовых Колымы не только золото, не только олово, не только вольфрам, не только уран, но и нетленные человеческие тела» [6, с. 282]. Тела праведников, подобно минералам и металлам, хранят «подземные кладовые».

Близкую позицию можно обнаружить и в романе Лебедева, текст которого полон сравнений этих двух ипостасей земли. В самом начале романа, рассказчик замечает «желтую кость камня» в скале, «охряную, рдяную, схожую с плотью почву» [3, с. 7]. Позднее, весной, он действительно находит братскую могилу «в кости камня».

Процесс обнажения тел из-под снега Шаламов трактует как реакцию природы, которая не позволяет, буквально и образно, хоронить мертвых (именно замученных): «Камень, Север сопротивлялись всеми силами этой работе человека, не пуская мертвецов в свои недра. Камень, уступавший, побежденный, униженный, обещал ничего не забывать, обещал ждать и беречь тайну» [6, с. 282]. У Шаламова камень является не только свидетелем: с помощью глаголов «сопротивляться», «не пускать», «обещать» камень демонстрирует свою волю. Он у Шаламова «ничего не забывает», «ждет и бережет тайну».

Лебедев вступает в диалог с Шаламовым, при этом его позиция более экспрессивна: «Камень свидетельствовал, камень обвинял» [3, с. 7]. В этом случае лексика принадлежит юридической сфере. И Лебедев воссоздает фантастическое событие, когда природа — «красный снегопад в лагере», где его дед был начальником, — выступает в роли судьи. Снегопад является символом кары и гнева природы за жестокое обращение деда с узниками, а затем и со своим единственным сыном. Очевидна аллюзия на первую казнь египетскую из Книги Исход: в обоих текстах природа действует во имя раскрытия правды. Земля ГУЛАГа впервые отказывается принимать участие в человеческих преступлениях. Это единственный момент, когда земля обретает свой «голос» в романе Лебедева.

Шаламов противопоставляет этой «каменной» памяти органическое цветение земли: «Я вспомнил... яростное цветение летней тайги, пытающейся скрыть в траве, в листве любое человеческое дело — хорошее и дурное. Что трава еще более забывчива, чем человек. И если забуду я — трава забудет. Но камень и вечная мерзлота не забудут» [6, с. 285]. Выражение «любое человеческое дело — хорошее и дурное» на этот раз воплощает идею суда Божия. Оно напоминает отрывок из Библии: «...да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5:45). Итак, вновь природа наделяется волей и чувством: лето «пытается скрыть», трава «забывчива», как будто по рассеянности. Гипотеза автора «если забуду я» необычна: как Шаламов мог бы забыть то, что он пережил? Скорее всего, это «я» — не только «я» рассказчика, но «я» будущих поколений. В любом случае мы снова обнаруживаем аналогию между человеком и природой («если забуду я — трава забудет»), которая усилена синтаксисом: местоимение «я» рядом с существительным «трава» в самом центре предложения. В конечном итоге даже если трагедия лагерей забудется, «камень и вечная мерзлота не забудут». Как и в рассказе «Стланик» Шаламова, природа оказывается более совершенной, чем человек.

Нарратор Лебедева по-своему рассматривает антитезу «память — забвение»: «Лес... зарастивал следы, поднимались надломленные травинки и примятый

мох, соки стремились вверх по стволам. И я вдруг ощутил победительную, бесстрастную силу, прорву жизни, которая затаит любую рану, поглотит любое событие (...). И я был один, наказанный способностью помнить» [3, с. 81]. Как и у Шаламова, лес «заращивает» раны, он славится «победительной силой». Это «забывание» природы двойственно, конфликтно: «надломленные травинки» и «примятый мох» проявляют свою устойчивость; восстанавливающее забвение «затаит любую рану», а потоки «сока» напоминают зачатие и обновление. Однако в описании также звучит мысль об окончательном и трагическом исчезновении истории: «прорва жизни... поглотит любое событие», даже память о нем не сохранится. Но и у «забвения» есть «предел», не случайно роман назван «Предел забвения». «Наказание героя способностью помнить» порождает роман, его «слово» о ГУЛАГе.

Результаты исследования

Мы обнаружили, что в прозе Шаламова и Лебедева природа аффектирует эмоции и мысли рассказчиков. В их представлении она наделена сознанием и волей, имеет свою точку зрения, становясь «объективным свидетелем» или соучастником деяний человека или даже «оком божьим». Однако ее «соучастие» видится авторами противоположным образом: для Шаламова природа символизирует жизнь, она чаще всего выступает на стороне человека и сопереживает ему (пространство топофилии), тогда как для Лебедева природа как «место памяти» ГУЛАГа символизирует смерть (пространство топофобии), она является соучастником преступлений человека, даже сегодня, по прошествии более полувека. Если у Шаламова природу характеризует этическая амбивалентность, то у Лебедева — эстетическая.

Выводы

В заключение можно сказать, что у обоих авторов природа демонстрирует свою амбивалентность в контексте противостояния память/забвение: она как сохраняет воспоминания, так и участвует в сокрытии «следов» истории. Природа метафорически эксплицирует отношение русского народа к своему прошлому: даже если события истории уходят в прошлое, многое навеки сохраняется в «вечной мерзлоте» коллективного бессознательного, а природа в лагерной прозе становится «местом памяти» ГУЛАГа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красухин Г. Г. Человек и природа / Г. Г. Красухин // Сибирские огни. № 1. 1969. С. 181-183.
2. Кротова Д. В. Природа в мировосприятии Варлама Шаламова / Д. В. Кротова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2.
3. Лебедев С. С. Предел Забвения / С. С. Лебедев. М.: Первое сентября, 2012.

4. Туниманов В. А. Достоевский, Б. Л. Пастернак и В. Т. Шаламов: скрещенье судеб, поэтических мотивов, метафор / В. А. Туниманов // Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века. СПб., 2004. С. 272-379.
5. Шаламов В. Т. Дорога и судьба: книга стихов / В. Т. Шаламов. М., 1967.
6. Шаламов В. Т. Колымские рассказы: Избранные произведения / В. Т. Шаламов, сост., ст. и коммент. В. В. Есипова. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2013.
7. Шаламов В. Т. Четвертая Вологда / В. Т. Шаламов. Вологда, 1994.
8. Шрейдер Ю. Граница совести моей / Ю. Шрейдер // Новый Мир. № 12. 1994. С. 287.
9. Anstett É. Le Goulag en héritage : pour une anthropologie de la trace / É. Anstett, L. Jurgenson. Revue des Études Slaves. 2010. С. 611-613.
10. Bachelard G. La poétique de l'espace / G. Bachelard. Paris: PUF, 1957.
11. Buell L. The Environmental Imagination: Thoreau, Nature Writing, and the Formation of American Culture / L. Buell. Cambridge: Harvard University Press, 1995.
12. Cauquelin A. L'invention du paysage / A. Cauquelin. Paris: PUF, 2000. P. 160.
13. Corbin A. L'homme dans le paysage / A. Corbin. Paris: Initiales, 2001. P. 192.
14. Deleuze G. Géophilosophie // Qu'est-ce que la philosophie? / G. Deleuze, F. Guattari. Paris: Éditions de Minuit, 1991. Pp. 82-108.
15. Gauchet M. Introduction au dossier « Nouvelles géographies » / M. Gauchet // Le Débat. No 92. 1996. P. 42.
16. Gerber J. Récits de mémoire du GOULAG : la poétique de la corporéité / J. Gerber, E. N. Ertner // Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates. 2017. Vol. 3. No 3. Pp. 68-79. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-68-79
17. Jurgenson L. Paysages du désastre / L. Jurgenson // Revue des Deux Mondes. Oct-nov, 2010. Pp. 123-134
18. Kowalski S. Kolyma, The land of gold and death / S. Kowalski. United States, 2002.
19. Marx K. Frühschriften / K. Marx, Lieber/Fuhr. Bd. II. Darmstadt, 1971. S. 27.
20. Mondon H. Le grand nord des « dékoulakisés » / H. Mondon // Revue des Deux Mondes. 2010. Pp. 135-145.
21. Ritter J. Paysage — Fonction de l'esthétique dans la société moderne. Paris: L'Imprimeur, 1997.
22. Schama S. Le Paysage et la Mémoire / S. Schama. Paris: Éditions du Seuil, 1999. P. 720.
23. Westphal B. La Géocritique mode d'emploi / B. Westphal. Limoges: Presses universitaires de Limoges, 2000. P. 314.
24. White K. Le Plateau de l'Albatros: Introduction à la Géopoétique / K. White. Paris: Grasset, 1994. P. 362.

Julie GERBER¹
Elena N. ERTNER²

UDC 82-31

**NATURE AS A “MEMORY PLACE”
IN RUSSIAN PROSE OF THE GULAG**

¹ Postgraduate Student, Assistant,
Department of French Philology, University of Tyumen
z.zherber@utmn.ru

² Dr. Sci. (Philol.), Professor,
The Russian and Foreign Literature Department,
University of Tyumen
e.n.ertner@utmn.ru

Abstract

This article considers the image of nature and the ways of its literary representation in the Russian prose dedicated to the Gulag. The object of the study is the “Kolyma Tales” (1967) by V. T. Shalamov which became classics, and the novel “Oblivion” (2010) by the famous writer S. S. Lebedev. Comparative analysis of these works allows updating the formulation of the problem of the camp prose traditions and innovations. The novel by Sergey Lebedev is a nominee of the “Big Book” and “National Bestseller” awards of 2010, it has been translated into ten languages of the world but so far has not been studied, which determines the novelty of the work. The results show that in these works, nature is revealed as a conflict and dual image, the space of “topophobia” and “topophilia”. Ambivalent features can be found in the images of various natural phenomena (Kolyma’s land, oppressed forest, permafrost, mountain, pine trees, stone, mushroom, grass, etc.). The ways of subjectivation and experience of nature, its functionality are revealed. It is shown how the biographical experience of writers of different generations is transformed into events of the collective historical memory of the Gulag.

Keywords

V. Shalamov, S. Lebedev, “The Kolyma Tales”, “Oblivion”, camp prose, nature, landscape, “memory place”, topophilia, topophobia.

Citation: Gerber J., Ertner E. N. 2018. “Nature as a “Memory Place” in Russian Prose of the Gulag”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 4, pp. 120-133. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-120-133

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-4-120-133

REFERENCES

1. Krasukhin G. G. 1969. Chelovek i priroda [Human and nature]. *Sibirskiye ogni*, no 1, pp. 181-183.
2. Krotova D. V. 2016. “Priroda v mirovospriyatii Varlama Shalamova” [Nature in Varlam Shalamov’s worldview]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no 8 (62) in 2 parts, part 2. Tambov: Gramota.
3. Lebedev S. S. 2012. *Predel Zabveniya* [Oblivion]. Moscow: Pervoye sentyabrya.
4. Tunimanov V. A. 2004. “Dostoyevskiy, B. L. Pasternak i V. T. Shalamov: skreshchen’ye sudeb, poeticheskikh motivov, metaphor”. In: F. M. Dostoyevskiy i russkiye pisateli XX veka, pp. 272-379. Saint Petersburg.
5. Shalamov V. T. 1967. *Doroga i sud’ba: kniga stikhov* [Road and fate: the book of poems]. Moscow.
6. Shalamov V. T. 2013. *Kolymskiye rasskazy: izbrannyye proizvedeniya* [The Kolyma Tales: Selected Works] Saint Petersburg: Vita Nova.
7. Shalamov V. T. 1994. *Chetvertaya Vologda* [The Fourth Vologda]. Vologda.
8. Shreyder Yu. 1994. “Granitsa sovesti moyey” [The Border of My Conscience]. *Novyy Mir*, no12, p. 287.
9. Anstett É., Jurgenson L. 2010. “Le Goulag en héritage : pour une anthropologie de la trace”. *Revue des Études Slaves*, pp. 611-613.
10. Bachelard G. 1957. *La poétique de l’espace*. Paris: PUF.
11. Buell L. 1995. *The Environmental Imagination: Thoreau, Nature Writing, and the Formation of American Culture*. Cambridge: Harvard University Press.
12. Cauquelin A. 2000. *L’invention du paysage*. Paris: PUF.
13. Corbin A. 2001. *L’homme dans le paysage*. Paris: Initiales.
14. Deleuze G., Guattari F. 1991. “Géophilosophie”. In: *Qu’est-ce que la philosophie?* Paris: Éditions de Minuit.
15. Gauchet M. 1996. “Introduction au dossier ‘Nouvelles géographies’”. *Le Débat*, no 92, p. 42.
16. Gerber J., Ertner E. N. 2017. “Récits de mémoire du GOULAG : la poétique de la corporéité”. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 3, no 3, pp. 68-79. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-68-79
17. Jurgenson L. “Paysages du désastre”. *Revue des Deux Mondes*, oct-nov. 2010, pp. 123-134.
18. Kowalski S. 2002. *Kolyma, the land of gold and death*. United States.
19. Marx K. 1971. *Frühschriften*. Edited by H.-J. Lieber and P. Furth. Vol. 2, p. 27. Darmstadt.
20. Mondon H. 2010. “Le grand nord des ‘dékoulakisés’”. *Revue des Deux Mondes*, pp. 135-145.
21. Ritter J. 1997. *Paysage — Fonction de l’esthétique dans la société moderne*. Paris: Editions de l’Imprimeur.
22. Schama S. 1999. *Le Paysage et la Mémoire*. Paris: Éditions du Seuil.
23. Westphal B. (ed.). 2000. *La Géocritique mode d’emploi*. Limoges: Presses universitaires de Limoges.
24. White K. 1994. *Le Plateau de l’Albatros, Introduction à la Géopoétique*. Paris: Grasset.